

УДК 316.628

МОТИВЫ, СМЫСЛЫ И СПОСОБ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

А. В. РУБАНОВ¹⁾¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявлена сущность мотивов и смыслов жизнедеятельности человека, раскрыты механизмы их происхождения. Рассмотрены процессы образования смысла жизни отдельного индивидуума и пути накопления универсальных смыслов. Проанализирована историческая динамика мотивов и смыслов. Раскрыта структура способа жизни, и определено его соотношение с мотивами и смыслами, источниками которых являются социальное положение, принадлежность к культурной традиции и саморефлексия, саморазвитие индивидов. Динамичность этих трех факторов обуславливает изменчивый характер мотивов, жизненных смыслов и типичных форм деятельности людей.

Ключевые слова: потребность; мотив; смысл жизни; смыслообразование; саморефлексия; способ жизни человека.

MOTIVES, MEANINGS AND WAY OF HUMAN LIFE: THEORETICAL AND HISTORICAL RECONSTRUCTION

A. V. RUBANAU^a^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reveals the essence of motives and meanings of human life, reveals the mechanisms of their origin. The processes of the formation of meaning in an individual and the ways of accumulating universal meanings are considered. The historical dynamics of motives and meanings is analysed. The structure of the way of life is revealed and its relationship with motives and meanings is revealed. It is shown that the sources of motives and meanings are social status, belonging to a cultural tradition and self-reflection, self-development of individuals. The dynamism of these three factors determines the dynamic nature of motives, life meanings and typical forms of human activity.

Keywords: need; motive; meaning of life; meaning formation; self-reflection; way of human life.

Одной из первых объяснила источники целенаправленного поведения человека теория инстинктов, согласно которой существует врожденный базовый набор инстинктоподобных эмоциональных импульсов, названных У. Мак-Дауголлом склонностями. Инстинкт, будучи актуализированным, порождает стремление, импульс или влечение к некоторой цели. Такая тенденция, направленная на предвосхищающую цель, представляет собой желание. Несколько склонностей могут синтезироваться в так

называемые чувства, т. е. когнитивно-эмоциональные оценки, обусловленные опытом и научением. Окончательный вариант постулируемых склонностей составили пищедобывание, отвращение, сексуальность, страх, любознательность, покровительство и родительская опека, общение, самоутверждение, подчинение, гнев, призыв о помощи, создание, приобретение, смех, комфорт, отдых и сон, бродяжничество, группа примитивных склонностей, обслуживающих телесные нужды [1, с. 106–107].

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Мотивы, смыслы и способ жизни человека: теоретико-историческая реконструкция. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2021;3:67–72.

For citation:

Rubanau AV. Motives, meanings and way of human life: theoretical and historical reconstruction. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2021;3:67–72. Russian.

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bs@gmail.com

Постепенно при объяснении источников жизненной активности доминирующее значение, принадлежавшее инстинкту с его жесткой наследственной заданностью, стало приобретать более свободное в истолковании понятие потребности. Был разработан ряд развернутых классификаций потребностей. Активно изучалась тема разумных потребностей и процесс их формирования. Однако до сих пор не существует достаточно четкого определения самого этого понятия. Чаще всего смысловая нагрузка, вкладываемая в него, объясняется через понятие функциональной или психологической нужды, недостатка. Когда речь идет о потребностях организма, существующего и развивающегося за счет присваиваемых извне энергии и веществ, вполне обоснованно используется понятие «нужда». Однако при попытках распространить данное понятие на человеческие потребности и действия более высокого уровня возникают серьезные сомнения в их правомерности.

В связи с этим в научном и повседневном общении использование понятия «потребность» было постепенно ограничено и заменено более широким по смыслу понятием «мотив» (от фр. *motif* – побуждение) – это означает субъективное побуждение к осознанным активным действиям, непосредственную причину которого составляет эмоционально переживаемое желание чего-то достичь, добиться в жизни. Побуждающие переживания, которые также обозначаются словами хотение, стремление, влечение и т. п., относятся к эмоциональным явлениям и выделяются наряду с двумя другими их группами: переживаниями удовольствия (радости, веселья, наслаждения и т. п.) или неудовольствия (страдания, горя и др.) и ситуативными эмоциями типа страха, гнева, стыда, обиды, зависти и др.

Обращаясь к эмоциональной основе мотивов, следует различать, во-первых, эмоциональность как чувствительность к чему-либо значимому в биологической и социальной жизни человека вне зависимости от конкретного содержания этого значимого (по отношению к такой эмоциональности можно употребить термин «чистая эмоциональность»); во-вторых – отдельные эмоциональные явления (оформления и проявления «чистой эмоциональности»), которые непосредственным образом сообщают человеку конкретное содержание жизненно важных для него фактов, процессов и событий, происходящих как в окружающем мире, так в нем самом. В числе этих эмоциональных явлений находятся и побуждающие переживания.

Каждый из мотивов и лежащих в их основе побуждающих переживаний вызывается конкретным объектом (предметом), находящимся в определенном социальном и культурно-историческом контексте, который придает им четкую направленность, или в котором они, если использовать несколько

иную, но схожую терминологию, опредмечиваются. По этой причине доминирующие мотивы не являются постоянными, изменяются в различные исторические периоды, отличаются своеобразным характером в разных социальных условиях и культурных регионах пребывания человека. Это же можно сказать и о разных этапах (особенно возрастных) в жизни человека.

Другой традицией объяснения базовых оснований жизни и деятельности людей выступает понятие жизненных ценностей как того, что особо значимо для человека, где в качестве основополагающей ценности выделяется смысл жизни. Говоря о смыслообразующей функции мотивов, подчеркивается тесная взаимосвязь смыслов с мотивами в понимании поведения человека.

Смысл жизни – это то, что определяет конечную цель, предназначение человеческого существования, придает жизненному пути очертания цельности. Человек может иметь несколько смыслов в жизни, которые он выстраивает в определенную ценностную иерархию. Объективно жизнь любого человека, поскольку она к чему-то устремлена, имеет смысл, который может не осознаваться человеком до тех пор, пока жизненная ситуация не поставит перед ним такую задачу. То, что придает смысл жизни, может находиться в будущем (цели), настоящем (чувство полноты и насыщенности жизни) и прошлом (удовлетворенность итогами прожитой жизни) [2, с. 248–249].

Согласно логотерапии В. Франкла, основной движущей силой человека выступает борьба за смысл жизни, являющийся уникальным для каждого индивида. Любой человек имеет свое призвание. Однако «есть смыслы, которые присущи людям определенного общества, и даже более того – смыслы, которые разделяются множеством людей на протяжении истории. Эти смыслы относятся, скорее, к человеческому положению вообще, чем к уникальным ситуациям» [3, с. 288]. По этой причине следует различать и сопоставлять, во-первых, механизмы личностного смыслообразования, касающиеся отдельного индивидуума; во-вторых, пути накопления универсальных жизненных смыслов человеческим сообществом в целом.

Объясняя происхождение индивидуальных смыслов, В. Франкл пишет о том, что они обнаруживаются, а не придумываются. Продолжая свои рассуждения, ученый выделяет три основных пути, благодаря которым человек может сделать свою жизнь осмысленной: первый путь – это творчество (то, что он может создать); второй – новые встречи и переживания, новый опыт; третий путь – нахождение смысла даже в самом тяжелом положении, в котором человек может оказаться [3, с. 300].

Д. А. Леонтьев разработал классификацию механизмов личностного смыслообразования (смысло-

порождения). По мнению автора, эта классификация представляет собой эмпирическое обобщение и, следовательно, не является закрытой. Она включает в себя шесть механизмов личностного смыслообразования.

1. Замыкание жизненных отношений. Суть данного механизма заключается во встрече субъекта с объектом или явлением, в результате которой этот объект неожиданно и спонтанно обретает особое важное место в жизни субъекта (например, любовь с первого взгляда).

2. Индукция смысла. Представляет собой придание смысла (смысловой рационализации) деятельности, которая изначально была лишена этого смысла, и человеку приходилось ее выполнять под давлением внешних принуждений. Данный механизм выражен формулой «стерпится – слюбится» и основан на потребности человека придавать смысл всему, что он делает.

3. Идентификация себя с определенной социальной группой или общностью. При действии этого механизма индивид присваивает смысловые ориентации, свойственные культуре данной группы.

4. Инсайт, или просветление. Смысл внезапно усматривается там, где только что еще ничего не было. Он возникает в сознании как бы из ниоткуда, почти мистическим образом.

5. Столкновение смыслов. Данное явление происходит при встрече субъекта – носителя внутреннего смыслового мира – с другими смысловыми мирами. Перед субъектом встает проблема сопоставления разных вариантов осмысления действительности, которая может привести к осознанию относительности своего миропонимания. В результате взаимодействия двух смысловых миров может появиться обогащение смыслового мира субъекта или его более-менее радикальные перестройки, связанные не только с обретением новых смыслов, но и с разрушением старых.

6. Полагание смысла. Данный механизм представляет собой особый экзистенциальный акт, в котором субъект своим сознательным и ответственным решением устанавливает значимость чего-либо в своей жизни. Здесь будет уместно привести два примера. Так, основатель прагматизма У. Джеймс в возрасте около 30 лет испытывал глубокую депрессию. Такое состояние длилось несколько месяцев, и он уже начал думать о самоубийстве. Наконец, он решил сделать ставку на свободу: просыпаясь утром, он хотя бы один день будет верить в свободу. Эта вера ему помогла – она обернулась самой свободой. Также показательной является история Б. Паскаля. Он тоже сделал ставку на то, что во вселенной есть смысл. Как он сам писал, он решил, что если он, постулируя существование Бога, окажется прав, то это принесет ему счастье и наполнит жизнь смыслом, а если он все-таки ошибается, то ничего не теря-

ет, кроме жизни. Для У. Джеймса и Б. Паскаля ставка есть не что иное, как осознанно выбранная вера во что-либо, принятая по собственному решению. Например, вера в Бога, свободу, коммунизм, добро, зло, прогресс и т. д. Такая сознательно выбранная вера не имеет внешнего обоснования, что отражено в знаменитом афоризме Тертуллиана: «Верую, ибо абсурдно». Абсурдно – это значит без какого-либо рационального обоснования. Вера аргументируется только самим решением верить, в котором полагается смысл. Тем не менее это решение парадоксальным образом создает тот смысл, который ложится в основание всей дальнейшей жизни [2, с. 133–138].

В ситуации обнаружения смысла, как кажется, проявляется особая роль интуиции (от лат. *intueri* – пристально, внимательно смотреть), точнее, такой ее вид, каким является экзистенциальная интуиция, с помощью которой человек непосредственно и чаще моментально образом при необъяснимости логических оснований постигает свою субъективность, т. е. то, что он из себя представляет и в чем состоит смысл его жизни.

Мотивы и жизненные смыслы находят свое выражение в способе жизни людей, структурно соотносятся с ним. При описании способа жизни термины «поведение» и «деятельность» используются в качестве базовых. Под поведением чаще всего понимаются достаточно рутинные действия, благодаря которым человек адаптируется к существованию в социальной среде, действует в соответствии с ее требованиями; иными словами, ведет обыденную жизнь. Деятельность – это отличающее человека активное отношение к разнообразным условиям своей жизни и самому себе, их осознанное преобразование с учетом своих желаний и замыслов.

С повседневными формами поведения люди встречаются тогда, когда, по известному выражению Ф. А. Хайека, они «просто живут», т. е. действуют привычным для них способом. Также повседневные формы поведения в числе первых стали предметом исследования у историков, в частности у создателей исторической школы «Анналов» Л. Февра и М. Блока. Один из наиболее известных последователей этой научной школы – Ф. Бродель, – исследуя материальную цивилизацию, экономику и капитализм XV–XVIII вв., использовал термин «нужды повседневной жизни» для обозначения каждодневных рутинных действий людей, включая пищу, напитки, жилища, строительные материалы, мебель, одежду, транспорт, источники энергии, предметы роскоши, деньги, орудия, технические изобретения, болезни и способы их лечения, организацию поселенческой жизни, особенно в городах, и др. [4].

Для объяснения повседневных действий Э. Гидденс ввел понятия «рефлексивный мониторинг действия» и «рационализация действия». Основные идеи ученого воплощены в стратификационной модели

социального агента. При ее создании Э. Гидденс исходил из того, что большинство повседневных действий напрямую не мотивировано. Рефлексивный мониторинг действия состоит в том, что люди постоянно отслеживают ход своей деятельности, действия других, физические и социальные условия и ожидают, что другие люди поступают аналогично. Под рационализацией действия понимается способность человека осознавать основания своей деятельности, а также его ожидания относительно того, что и другие «в состоянии объяснить, что они делают, если их спросить об этом» [5, с. 44].

Планы, программы деятельности порождаются мотивами и смыслами, конкретные источники которых находятся в социальном положении индивидов, их принадлежности к культурной традиции, развитию человека, особенно его саморефлексии (самоосмыслении). Их динамичность обуславливает изменчивый характер мотивов, жизненных смыслов и типичных форм деятельности людей.

К. Маркс акцентировал внимание на детерминирующей роли социального положения в поведении индивида. В «Тезисах о Фейербахе» он писал о том, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [6, с. 3]. Классовая и другая групповая принадлежность людей базируется на их общих интересах, идеях и коллективных социальных действиях.

Место в мотивации культурной принадлежности человека иллюстрируется сравнением поведения представителей западной и восточной культурных традиций, основанных на своеобразии характерного им видения мира, трактовок основ мироустройства. В восточной традиции, где порядок в природе и обществе связывается с действием сверхъестественного космического закона, вечного и неизменного, судьба человека традиционно ставится в зависимость от признания этого закона и повиновения ему. В такой обстановке активность людей направляется преимущественно не на внешний мир, а на самих себя. Основными формами данной активности, привнесенными культурой, стали самовоспитание и психическая саморегуляция. В западной культурной традиции отказ от присущих античной цивилизации представлений об универсальности космического закона – логоса, развитии мира как кругового движения с его бесконечными повторами – связан с христианством, хотя подготовлен предшествующей историей этого культурного региона. Решающая христианская догма о конечном спасении возобновила взгляд на развитие мира как на линейный, целенаправленный процесс. Эсхатологическое ожидание второго пришествия Христа, которое нужно встретить при наличии наибольшего количества свидетельств, подтверждающих избранность к спасению, породило более деятельное отношение

к миру, стремление усовершенствовать его и самого себя в соответствии с божественными заповедями.

Что касается развития самого человека, то осознанно определять свои жизненные ориентиры, поступки он начал тогда, когда было преодолено архаическое мышление, отличавшееся высокой степенью слияния индивида с окружающим миром и сообществом, к которому он принадлежал. Сформировавшаяся способность абстрактного мышления позволила индивиду предвидеть и планировать свою жизнь, мысленно перебирать ее возможные варианты, совершать свободный ценностно-смысловой выбор [7, с. 150–155]. Произошло это в осевое время (VIII–II вв. до н. э.), когда с началом углубленной саморефлексии было открыто то, что, по словам К. Ясперса, «позже стало называться разумом и личностью» [8, с. 35]. Однако если в «осевое время» такое было под силу одиночкам или небольшим группам людей, то в эпоху Возрождения принцип осознанного ценностно-смыслового выбора, суверенитета личности лег в основу нового способа жизни.

Понять психологические предпосылки прорыва человека к осмыслению своего бытия помогает теория развития интеллекта Ж. Пиаже. В терминах «центрация» и «децентрация» он описывал процесс когнитивного развития. Согласно теории ученого, первоначально субъект центрирован на собственных действиях и своей точке зрения. Такое своеобразное эгоистичное поведение можно наблюдать у ребенка, для которого его личный мир является центром вселенной. Индивид, смешивая субъективное и объективное, приписывает свои мотивы физическим вещам, переносит собственные внутренние побуждения на причинную взаимосвязь явлений окружающего мира. Человек не способен взглянуть на себя со стороны, встать на позицию другого, понять, что возможны иные оценки, отличные от его собственных. Постепенно реальность жизненного мира удаляет человека из эгоцентрической перспективы. Процесс познавательной децентрации дает субъекту возможность понять мнения других людей, посмотреть на мир с их точки зрения, иначе взглянуть на себя самого, переоценить свою жизнь в границах более широкого смыслового контекста [9, с. 245–247].

В конечном счете материальные аспекты социального положения человека не являются жесткими, тем более единственными детерминантами его деятельности. В значительной мере эти детерминанты сконструированы смыслообразующей деятельностью (социокультурным творчеством) самого человека. Об этом свидетельствует историческая ретроспектива.

В первобытном обществе понятие «богатство» первоначально ассоциировалось не с объемом материальных благ, а с жизнью в многолюдном доме под защитой сильного лидера. Производство материальных благ приобрело самодовлеющее значе-

ние по мере того, как владение ими стало определять престиж человека, его участие в управлении.

На древнем Ближнем Востоке высшими ценностями жизни были здоровье, долголетие, наличие сыновей, почетное положение в общине, богатство. Последнее ценилось как за то, что открывало доступ к наслаждениям, так и потому, что имущество, например, в Древней Месопотамии являлось одной из важнейших величин, конституирующих человеческую личность, своеобразным продолжением человека за пределами его тела. С обладанием тем или иным имуществом связывалась судьба индивида.

Характерные черты древнегреческой системы ценностей в решающей степени определяла аристократия. Ее ценностной ориентации был присущ агональный (соревновательный) тип, т. е. каждый аристократ стремился повсюду быть первым: на поле боя, в спортивных состязаниях, в политике. По мере того как рядовые граждане приближались к уровню аристократии, эта ценностная позиция распространялась среди народных масс, для которых на первое место вышел принцип: кто лучше послужит полису.

У средневекового христианина, который жил в сословно-иерархическом обществе, ведущим мотивом земной жизни не мог не быть сословно-корпоративный статус: его подтверждение, а по возможности, и некоторое повышение. Однако еще в большей степени средневековый европеец был захвачен идеей спасения души. Огромное значение в обретении функции ведущего мотива посредством обогащения принадлежит религиозно-культурному фактору. Этому способствовало превращение с помощью пуританизма обогащения и приобретательства в призвание, религиозно-этическую миссию.

Представление о смысле жизни – важнейший элемент любого религиозного мировоззрения. В христианстве жизненный смысл заключается в следовании заповедям Бога, которое ведет к спасению и вечной жизни; в иудаизме – в том, чтобы жить со-

гласно Торе и исполнять 613 ее заповедей (мицвот); в мусульманстве – в сознательном поклонении Аллаху, которое достигается через следование Корану и Сунне; в буддизме – в освобождении от страданий и достижении нирваны, при этом необходимо следовать восьмеричному пути, указанному Буддой.

В результате накопления человеческим сообществом универсальных жизненных смыслов можно выделить три главные исторические линии смыслообразования:

- поиск высших смыслов, который в основном ассоциируется с ценностями «осевого времени» [10];
- определение основополагающих смысловых ценностей устройства общества, наиболее ярко воплощенных в понятиях свободы и справедливости, конкретное наполнение которых существенно отличалось в различные исторические эпохи [11];
- выявление смысла повседневного человеческого существования, синонимом которого стало понятие «мудрость жизни» [12].

Таким образом, инстинкты как первый психический феномен, на который ссылались для объяснения источников поведения, постепенно был заменен в таком качестве сначала потребностями, а потом мотивами и смыслами. Мотив означает субъективное побуждение к осознанным активным действиям, непосредственную причину которого составляет эмоционально переживаемое желание чего-то достичь, добиться в жизни. Смысл определяет предназначение человеческого существования, придает жизненному пути очертания цельности. Следует различать механизмы личностного смыслообразования, касающиеся конкретного индивидуума, и пути накопления универсальных жизненных смыслов. Мотивы и смыслы жизни людей – это результат их бытия в мире. Конкретными проявлениями бытия – источниками мотивов и смыслов – являются социальное положение, принадлежность к культурной традиции и саморефлексия, саморазвитие индивидов.

Библиографические ссылки

1. Хекхаузен Х. *Мотивация и деятельность. Том 1.* Величковский БМ, редактор. Москва: Педагогика-пресс; 1986. 408 с.
2. Леонтьев ДА. *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности.* 2-е издание. Москва: Смысл; 2003. 487 с.
3. Франкл В. *Человек в поисках смысла.* Гозман ЛЯ, Леонтьев ДА, составители; Леонтьев ДА, Папуш МП, Эйдман ЕВ, переводчики; Евсевичев ВИ, Парамонова НИ, редакторы. Москва: Прогресс; 1990. 368 с.
4. Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Том 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное.* Куббель ЛЕ, переводчик. Москва: Прогресс; 1986. 623 с.
5. Гидденс Э. *Элементы теории структуризации.* В: Леднёва АВ, составитель. *Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас.* Новосибирск: Издательство Новосибирского университета; 1995. с. 40–80.
6. Маркс К. *Тезисы о Фейербахе.* В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. 2-е издание. Том 3.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 1–4.
7. Кликс Ф. *Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта.* Величковский БМ, переводчик; Пчелкина ЭМ, редактор. Москва: Прогресс; 1983. 302 с.
8. Ясперс К. *Смысл и назначение истории.* Левина МИ, Гайденок ПП, составители; Левина МИ, переводчик. Москва: Политиздат; 1991. 527 с. (Мыслители XX века).
9. Пиаже Ж. *Теория Пиаже.* В: Гальперин ПЯ, Ждан АН, редакторы. *История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.).* Москва: Издательство Московского университета; 1986. с. 232–292.

10. Рубанов АВ. Свобода и справедливость в поведении людей: социально-исторический очерк. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;1:4–11.
11. Рубанов АВ. Ценности осевого времени. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;2:4–8.
12. Рубанов АВ. Мудрость жизни в афоризмах мыслителей древности и Нового времени. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2020;3:37–46.

References

1. Heckhausen H. *Motivatsiya i deyatel'nost'*. Tom 1 [Motivation and activity. Volume 1]. Velichkovsky BM, editor. Moscow: Pedagogika-press; 1986. 408 p. Russian.
2. Leontiev DA. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. 2nd edition. Moscow: Smysl; 2003. 487 p. Russian.
3. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning]. Gozman LYa, Leontiev DA, compilers; Leontiev DA, Papush MP, Eydman EV, translators; Evsevichev VI, Paramonova NI, editors. Moscow: Progress; 1990. 368 p. Russian.
4. Braudel F. *Civilisation materielle, economie et capitalisme, XV–XVIII siècle. Volume 1. Les structures du quotidien: le possible et l'impossible*. Paris: Armand Colin; 1979. p. 543.
Russian edition: Braudel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe*. Kubbel' LE, editor. Moscow: Progress; 1986. 623 p.
5. Giddens E. [Elements of the theory of structuration]. In: Ledneva AV, compiler. *Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Burd'e, Giddens, Khabermas* [Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Novosibirsk: Novosibirsk University Press; 1995. p. 40–80. Russian.
6. Marx K. [Theses about Feuerbach]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. 2-e izdanie. Tom 3* [Works. 2nd edition. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 1–4. Russian.
7. Klix F. *Erwachendes denken. Eine entwicklungsgeschichte der menschlichen Intelligenz*. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften; 1982. 291 S.
Russian edition: Klix F. *Probuzhdayushcheesya myshlenie. U istokov chelovecheskogo intellekta*. Velichkovskii BM, translator; Pchelkina EM, editor. Moscow: Progress, 1983. 302 p.
8. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Levina MI, Gaidenko PP, compilers; Levina MI, translator. Moscow: Politizdat; 1991. 527 p. Russian. (Mysliteli XX veka).
9. Piaget J. [Piaget's theory]. In: Halperin PYa, Zhdan AN, editors. *Istoriya zarubezhnoi psikhologii (30–60-e gg. 20 v.)* [History of foreign psychology (30–60s of the 20th century)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1986. p. 232–292. Russian.
10. Rubanau AV. Freedom and justice in human behavior: socio-historical sketch. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;1:4–11. Russian.
11. Rubanau AV. Values of the axial time. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. 2019;2:4–8. Russian.
12. Rubanau AV. The wisdom of life in the aphorisms of the thinkers of antiquity and modern times. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. 2019;2:4–8. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.05.2021.
Received by editorial board 15.05.2021.